

М. В. НИКОЛАЕВА

Устные сказания «о покинутом сыне» и рукописные повести
первой половины XVIII в.

(История о Ефродите и Максине)

Среди повестей и романов, бытовавших на Руси в первой половине XVIII в., заметное место принадлежало «Истории о славном саксонском короле Ефродите и о сыне его... Максине и о прекрасной принцессе Раксане». А. Н. Пыпин указал на три списка этой повести,¹ мной обнаружены еще три списка.²

Действие повести о Ефродите и Максине приурочено к «Европии», «Саксонскому» и «Полскому» королевствам, городам «Дрездину» и Риге.

Сюжет ее сводится к следующему. Молодой саксонский король Ефродит, резиденция которого находится в «Дрездине», не успел жениться до смерти своего отца. Однажды он явился в «присутствующий сенат» и объявил о своем намерении отправиться в другие государства «для всякого любопытства». Вместо себя в качестве верховного правителя король оставляет «генераллисимуса» принца Георгия Альберта. Путешествуя, король останавливается в Польском королевстве, «в некотором местерке», где «обитала вдовствующая принцесса Марианна». Он «смертельно в нее влюбился», так что вскоре «возымел намерение жениться» и жил с Марианною «в подобие супруги». Не дождавшись рождения своего ребенка, ко-

¹ Для любителей книжной старины М., 1888, стр. 23

а ГПБ, Q XV.87, в 4-ку, лл. 61—103, не хватает одного листа в начале повести. Сборник написан одним почерком. О датировке его можно судить по приписке к повести об Аполлоне Тирском: «Списана в сентябре до 12 числа 1744 году» (л. 20 об.)

б ВБЛ, в сборнике ОИДР, отд. 1, № 324, в 4-ку, лл. 135—179 разными почерками; водяной знак бумаги 50—60-х годов XVIII в. После заглавия идет запись латинскими буквами «Sia istoria Nicity Sacharowa», и далее русскими буквами «писал своею рукою». На внутренней стороне переплета многочисленные записи владельцев и читателей сборника, стершиеся и не поддающиеся прочтению, кроме нескольких дат (1775, 1777, 1778).

в Собр. Мордвинова, в 4-ку, на 72 л. тремя почерками половины XVIII в. Эта рукопись мной не найдена.

² г ГПБ, арх. Тиханова, № 374, в 4-ку, лл. 2—33, не хватает одного листа в начале повести, а также лл. 16—24. На нижней крышке переплета с внутренней стороны запись: «Сия Гистория лейбгвардии Семеновского полку 9 роты солдата Алексея Трубицына. Писана марта 23 дня 1748 году». Ниже почерком конца XVIII в. «Сия история лейбгвардии Семеновского полку 6 роты солдата Алексея Григорьева сына Берескина А. подписал я, Берескин, своею рукою». Имеются и другие разновременные записи.

д ГИМ, инв. 39476, муз. 1573, в 4-ку, на 81 л., почерком второй половины XVIII в., не хватает одного листа в начале рукописи, крышки переплета сорваны.

е ГИМ, инв. 38010, муз. 1043, в лист, лл. 1—34, в сборнике второй половины XVIII в. Внизу по лл. 1—34 идет запись «сия история Ярославского экономического правления канцеляриста Андрея Палетаева. Списана в 1777 году в городе Ярославле».

роль отправился далее, оставив в подарок будущему наследнику золотую «вещь чудной работы, в подобие короны». Объездив многие государства, Ефродит возвратился «во отечество свое».

Между тем у принцессы Марианны родился сын Максион, «Славные философы и мудрые Аристотели» «по планетам» определили, что Максион будет наследником Саксонского королевства.

Через пятнадцать лет, почувствовав в себе «великую силу», Максион просит мать отпустить его «в европейския государства» для «обучения кавалерских поединков» («для обучения разных языков и доброго обхождения»). Приехав «в дальние приморские острова, лежащие в Европе», Максион в короткое время прославился как сильнейший в поединках («в науках»). За свое «кавалерство» он получает «патент», а также великое богатство и под видом «галанского» купца приезжает в столицу Саксонии. Король Ефродит с радостью принял Максиона и разрешил ему торговать в своем городе «беспешлинно». Молодой купец изъясняется в Дрездене то на «галанском», то на «французском» языках, чем, как и «учтивством и красотою», немало удивил короля и «тамошнее министерство и протчих кавалеров». В это время король Ефродит задумал жениться на дочери принца Альберта — Роксане, но браку не суждено было совершиться. Явившись однажды в дом купца Максиона за покупками для свадьбы, Роксана, почувствовав на себе его влюбленный взгляд, сама горячо влюбилась в него. Таким образом, неузнанный сын становится соперником отца.

Чтобы скрыть от царя и окружающих свою любовь к Роксане, Максион, не без участия возлюбленной, устраивает подземный ход от своего дома до ее спальни, так что «по вся дни и ночи... подземельным ходом к Роксане ходил».

В поединке с сильнейшими кавалерами Максион выходит победителем. За мужество и храбрость король награждает его «кавалерией» и приглашает «на веселье» во дворец. Роксана же, восхищенная силой и кавалерскими доблестями возлюбленного, признается ему в своей готовности стать его супругой и отказаться от обязательств, данных ею прежде королю Ефродиту.

Давая клятву верности в любви друг другу, Максион и Роксана решают до вступления в брак хранить чистоту и непорочность. Но радость взаимной любви неожиданно сменяется печалью: тайна подземного хода и их любви становится известной королю. Под видом «галанца», монаха «католицкой веры», он приходит к Максиону на ночлег и становится свидетелем любовного свидания. На следующую ночь король повторил свое путешествие, но уже не один, а вместе с отцом невесты. Теперь он намерен жестоко покарать соперника: арестовать и «уморить в темнице». Роксану же отец посадил в «особливую полату под караул».

Начинаются злоключения Максиона: расправившись один с целым отрядом королевских войск, пытавшихся арестовать его, он покидает Дрезден и странствует по неведомым землям, по лесам и болотам, «непроходимым вертепам, в великой печали и безпамятстве». Не раз он вступает в поединки с преследующими его врагами, с отчаяния пытается пронзить себя мечом и, наконец, оказывается случайным свидетелем поединка «российского кавалера Руслана», защищающего его, Максиона, честь перед лицом коварного «малтского» кавалера. Руслан называет свое имя и рекомендует себя как представителя «российских кавалеров». Максион посылает Руслана с поручением к Роксане в Дрезден, а вскоре и сам направляется туда, будучи не в силах далее терпеть разлуку с возлюбленной. В Дрездене воины короля во главе с «командующим» окружили дом

Максиона и пленили кавалера сонным. Принц Альберт с «прочими сенаторы» приговорили Максиона к смертной казни. На месте казни герой заявляет королю о своем высоком происхождении и в качестве доказательства того предъявляет «патрет», по которому король и узнает в нем сына. Обрадованный отец принимает сына «с пребогатой церемонией». Роксана же, не зная об этом, проливает слезы, неоднократно приходит в «беспамятство» от страха за жизнь возлюбленного, но вскоре и ее печаль рассеивается: король выражает согласие на брак Максиона с ней.

Максион отправляется за матерью, а она в то же самое время сама поехала разыскивать его «по многим государствам». Некий граф, «в реформатской земле», рассказал ей о ее сыне и о том, что «российские кавалеры» намерены сразиться за него с Саксонией. Граф направил Марианну «в град Ригу, где находитца множество кавалеров», друзей Максиона, «как российских, так и прочих государств, понеже Рига была в то время в великой славе». В Риге Марианну преследует злейший враг Максиона — Рудольф, который готов искать «сатисфакцы[и]» даже «над дамскими персонами». Но как прежде у сына, так теперь у нее нашелся надежный защитник в лице российского кавалера Льва. Вскоре явился и сам Максион. Расправившись с Рудольфом, он возвращается с матерью в Дрезден. Повесть заканчивается благополучным соединением в браке короля с Марианной, а Максиона с Роксаной. По смерти отца Максион стал королем саксонским и «присовокупил к своему королевству немало провинций».

* *
*

Популярная в XVIII в. «История» о Ефродите и Максине написана на сюжет «о покинутом сыне», широко известный в русских сказках и былинах, а также в литературе народов Востока.³ Не позднее середины XVIII в. им воспользовался и неизвестный автор русской повести о Ярополе царевиче. Повесть о Ефродите и Максине, распространявшаяся в русской читательской среде в то же самое время, что и «Гистория» о Ярополе, является вторым примером воплощения данного сюжета в жанре авантурной повести. В самом деле, все основные мотивы названного сюжета в повестях о Ефродите и Максине и о Ярополе царевиче совпадают. Подобно Ефродиту, молодой царь Моаф отправляется в другое государство и там вступает в супружество с королевской дочерью, которая рождает ему сына Яропола. Вскоре Моаф покидает жену и сына, оставив последнему царские приметы (по которым позднее он его узнает), и возвращается в свою страну. Как и Ефродит, Моаф, забыв о покинутой жене, обручается с дочерью своего министра. Но в это время под видом купца приезжает его сын Яропол, в которого влюбляется царская «обручница». И здесь, как в повести о Ефродите и Максине, влюбленные соединяют подземным ходом свои жилища, но их тайна становится известной королю. Король вместе с отцом своей невесты, переодевшись в рубище странника, лично убеждаются в любовной связи своей избранницы с приезжим гостем. Моаф решает жестоко покарать соперника, но мудрец Агарь по приметам открывает в Ярополе сына царя. Затем следует соединение в брачном союзе Моафа с матерью Яропола и Яропола с Параклитой.

Таким образом, в обеих повестях сюжетная канва одна и та же. Но лишь канва, схема. Конкретное же наполнение ее различно. Достаточно

³ С. Ф. Елеонский. Сказки и повести XVIII в. Докт. дисс. (Машинопись). ГБЛ, Дд. $\frac{48}{88}$, ч. II.

сказать, что повесть о Ярополе в целом выполнена в духе русских воинских повестей и история «о покинутом сыне» составляет лишь одну из ее частей, тогда как повесть о Ефродите и Максione целиком сочинена на данный сюжет и обильно расцвечена рыцарскими эпизодами, которым нет какого-либо соответствия в повести о Ярополе. Никакой непосредственной связи между данными повестями нет. Они возникли независимо одна от другой на основе каких-то односюжетных сказок или повестей (последние в свою очередь также могли возникнуть на основе сказок).

Свидетельством того, что сюжет «о покинутом сыне» в сравниваемые повести привнесен извне и лишь обработан авторами, может служить логическая несогласованность отдельных сюжетных мотивов, имеющая место не только в повести о Ярополе,⁴ но также и в повести о Ефродите и Максione. Так, в самом начале сказано, что король Ефродит, уезжая от принцессы Марианны, оставил в дар будущему ребенку золотую «вещь в подобие короны» на «золотой цепочке», в конце же Максion в доказательство своего высокого происхождения «от коронованной персоны» предъявляет королю «патрет». Или еще: в тексте сказано, что подземный ход был сделан тремя мастерами, которые поклялись Максionу скрыть ото всех дело своих рук, но вдруг тайну влюбленных, неожиданно для читателя, открывает в доносе королю некий кавалер Фурней. Каким образом секрет стал известен Фурнею, узнать невозможно. В лучших же сказках с однозначным сюжетом подобных несоответствий не имеется: донос королю совершается либо одним из устроителей подземелья, либо ночлежником купца, ставшим случайным свидетелем встречи влюбленных; предмет, завещанный королем сыну, остается одним и тем же, хотя и различным в разных сказках. Наконец, обращает на себя внимание и то, что в повести о Ефродите и Максione, в отличие от родственных сказок, неудачно введен в повествование главный, стержневой эпизод, вокруг которого строится все произведение — поездка героя в страну отца и встреча с ним. В сказках, когда королевич вырастает, он едет, чтобы найти неизвестного ему отца; в повести же Максion отправляется в «Европию» за наукой. Вследствие такой мотивировки поступка героя автор наделяет его качествами, не известными сказочным персонажам, и в то же время он делает явный художественный просчет, которого нет в сказках: поездка Максiona в Дрезден и встреча с отцом является результатом случайностей, непреднамеренных поступков, что делает его пассивным; кроме того, и все повествование теряет ту четкость и целеустремленность действия, которые свойственны соответствующим устным сказаниям.

Все сказанное (а примеры, аналогичные приведенным, можно было бы умножить) позволяет сделать вывод о первичности сказок и вторичности повести о Ефродите и Максione, разрабатывающих один и тот же сюжет («о покинутом сыне»).

* *
*

Многочисленные записи на списках повести о Ефродите и Максione свидетельствуют о большой распространенности ее в XVIII в. Чем же заинтересовала она русского читателя? Здесь читателя увлекал мир страстной и верной любви, преодолевающей всевозможные препятствия; драматическая борьба не узнающих друг друга отца и сына, наконец, образ

⁴ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 64—65.

умного, ловкого купца, известный ему (читателю) по самым различным сказкам⁵ и повестям, при этом и вне связи с сюжетом «о покинутом сыне».⁶ Исключительная популярность этого героя в сказках и повестях не случайна. В период развития буржуазных отношений, когда купечество выходило на роль ведущего класса в обществе, обеспеченная жизнь его представлялась крестьянину, ремесленнику, мелкому служащему заманчивой и в то же время вполне достижимой.

Интерес к повестям о Ярополе царевиче и о Ефродите и Максione поддерживался весьма давней устной литературной традицией. Дело в том, что сюжет «о покинутом сыне» перекликается с другим международным сюжетом — о «бое отца с сыном». В них много общих элементов: герой (богатырь, царь) на чужбине приживает сына с особой знатного происхождения; покидает ее и оставляет своему ребенку драгоценный предмет (кольцо, камень); сын отправляется на поиски отца; неузнанные отец и сын вступают в соперничество; узнание по приметам. По указанию А. Н. Веселовского, сюжет «бой отца с сыном» лишь с небольшими отклонениями распространен с древнейших времен у разных народов.⁷ В русском эпосе известно 28 пересказов былины о «бое отца с сыном».⁸ Однако между эпическими песнями о бое отца с сыном, уходящими своими корнями в глубь веков, повестями и сказками «о покинутом сыне», получившими широкую известность в русской литературе, по-видимому, лишь с XVIII в., имеется и существенное различие. Подвиги, деяния героев в эпических песнях подчинены высокой общественной цели — защите отечества от врагов. Отсюда понятно, что главный герой-богатырь наделен одним определяющим качеством — огромной физической силой, составлявшей непрменный признак героя. Ум, честь, внешняя красота — эти качества лишь сопутствуют главному: сильнейший в то же время и умнейший, честнейший, доблестнейший. Не то в сказках и в особенности в повестях «о покинутом сыне». Определяющее место в их сюжете занимают события и приключения романического характера, описание любовных переживаний. Кульминацией является, как и в соответствующих былинах, столкновение не узнающих друг друга отца и сына, но не в единоборстве на поле брани в качестве представителей враждующих сторон, а на почве любовного соперничества. При этом торжествует победу тот, на чьей стороне моральное и естественное право, — сын. Отец не только побежден в любовном состязании с сыном, но посрамлен, так как он претендует на руку юной девушки, в то время как где-то в чужом краю томится неизвестностью о нем жена. В отличие от былин (бой отца с сыном), в повестях воинственность королевича, отправившегося на поиски отца, не является ни единственным, ни даже главным его качеством. Она оценивается либо в одном ряду с другими, либо отходит на второй план, либо герой вовсе ею не наделен. Здесь внимание читателя сосредотачивается на уме героя, на знании языков, «философии» и других наук, на сообразительности и находчивости, наконец, на умении сильно, нежно и красиво любить. Именно этими своими сторонами рассматриваемые повести соответствовали вкусу и идеалам читателей XVIII в., вызывая у них живые и волнующие ассоциации с действительностью. Не случайным и характерным является и то, что главный герой повестей (Максион, Яропол), как уже говорилось

⁵ См. сказки «о покинутом сыне», «об оклеветанной девушке», о разборчивой невесте и др. (С. Ф. Елеонский. Сказки и повести XVIII в., стр. 641).

⁶ См., например, повесть о Франце Имензолиусе в сборнике ГПБ, Q.XV.26.

⁷ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Под ред. В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 546—564.

⁸ Там же, стр. 564.

выше, действует в роли купца. В этом необычном для королевича положении он благодаря своему уму и внешней привлекательности пользуется славой, признанием и симпатиями среди окружающих. Здесь имеет место своеобразное слияние в одном художественном образе двух — царевича и купца, каждый из которых характерен для разных, но смежных этапов литературного развития — древнего и нового. Сочинители рукописных повестей XVIII в. не порывают с привычными образами и идеями, воплощенными в старинных устных и письменных сказаниях. Но в то же время они находятся во власти новых общественных представлений и идеалов. Это и объясняет в данном случае своеобразную контаминацию образов царевича и купца.

Другой главный персонаж, Роксана, также вполне отвечал духу новой морали, новых представлений о женщине и женской любви, нашедших отражение в различных русских повестях в образах Аннушки (повесть о Фроле Скобееве), Ираклии (о Василии Кориотском), Елеоноры, Тирры Гедвиг-Доротей (об Александре, российском дворянине) и в образе Параклиты (повесть о Ярополе царевиче). Роксана обладает горячим сердцем и нежностью, но в то же время она решительна и смела, когда дело касается ее личной судьбы. Юная, «красотой сияющая», она понравилась королю Ефродиту, и он «назначил» ее себе в жены. Однако, встретив молодого учтивого купца, Роксана целиком отдается во власть всепоглощающего чувства, хотя и знает, что ей грозит кара за нарушение воли родителей и короля, которому она «обязалась» уже быть супругой. Она решительно отстаивает право самой выбирать себе жениха, по любви. Подобно Аннушке (повесть о Фроле Скобееве), Роксана в конце концов выходит победительницей.

К числу наиболее любопытных особенностей повести о Ефродите и Максоне относится введение в нее двух представителей «российских ковалеров» — Руслана и Льва,⁹ выступающих в качестве сторонников и защитников Максона. Их роль в повести весьма примечательна. Именно им, в отличие от других кавалеров («малтских», «саксонских»), свойственны чувство высокого, «ковалерского» долга, справедливости, гуманное и учтивое отношение к женщине. Руслан, услышав о славе Максона, «взяв позволение от всех российских ковалеров, чтоб... ехать за того славного ковалера».¹⁰ Он один против трех вступает в бой, защищая честь Максона, и скорее готов умереть, нежели слышать «поношение» герою; он становится поверенным Максона в его интимных отношениях к Роксане; наконец, он посрамляет и приводит в страх и трепет короля Ефродита, заявив, что «российские ковалеры» намерены мстить Саксонии за бесчестие героя. Перепуганный король, как бы прося о пощаде, объясняет Руслану причину своего гнева против Максона и просит поведать о ней «всем господам российским ковалерам».

Другой российский кавалер, оказавшись в Риге, вступился за честь матери Максона, которую «поносил» «малтский кавалер» Рудолф из мести к ее сыну. Рудолф же пытается порицать российских кавалеров, хвастливо заявляя: «между нами издревле неравенство, и малтские от росских отстоят далече». Однако же в конце концов честь и слава оказываются на стороне российских кавалеров.

Известно, что в последней трети XVIII в. было создано целое направление русского волшебного-рыцарского романа («Русские сказки» Лев-

⁹ В списке ГИМ, муз. 1753, инв. 39476 никакого упоминания о «российских ковалерах» нет.

¹⁰ ВБЛ, сборник ОИДР, отд. 1, № 324, л. 107.

шина, «Пересмешник» Чулкова, «Славянские древности» Попова и др.). В романах этого типа герои русских былин и богатырских сказок были представлены в виде рыцарей, странствующих в поисках чести и славы, преодолевающих самые сложные препятствия на своем пути, участвующих в турнирах и поединках. Созданию романов этого типа предшествовал период приобщения русских читателей к иноземным переводным авантюрно-рыцарским историям и творческого усвоения их. Это началось еще в XVII в., но особенно интенсивным было в XVIII в. Повесть об Александре, российском дворянине, и повесть о Ефродите и Максione, в которой действуют и российские кавалеры, являют собой ранние примеры создания русских героев-рыцарей.
